

Считаю сложившееся ныне положение с финансированием сферы культуры недопустимым.

Прошу незамедлительно принять нечerpпывающие меры по финансовому обеспечению нормального функционирования ведущих центров российской и мировой культуры. Необходимо срочно погасить задолженность федерального бюджета учреждениям и организациям культуры по заработной плате и другим первоочередным расходам.

Б.Н.Ельцин

1 октября 1996 г.

АКТУАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ

ИРИНА АНТОНОВА: *Культура. - 1996. - 50ст. - с. 1*

На грани катастрофы

По Москве ходят слухи, что измученные безденежьем и невниманием государства работники столичных музеев собираются провести акцию протеста. "Что вы и ваши сотрудники собираетесь в связи с этим предпринять?", — спросил наш корреспондент директора Музея изобразительных искусств имени А.С.Пушкина Ирину АНТОНОВУ.

Фото И. МЕДОВОГО

Никаких акций протеста мы не планируем, — ответила Ирина Александровна. — Я против забастовки, потому что таким образом мы наказываем публику. Но ведь нас подвели к роковой черте, к моменту, когда музеи вынуждены будут закрыться — не потому, что они таким образом захотят что-то доказать, а потому, что просто не смогут дальше работать.

Музеи окажутся без необходимой защиты из-за задолженности по оплате электричества, телефонов, отопления, милиции, пожарной охраны. К тому же в августе мы все остались без зарплаты, а в сентябре получили только 35 процентов. Теперь время "остаточного финансирования" кажется чуть ли не золотым веком нашей музейной истории. Какими бы ни были скромными причитавшиеся культуре суммы, они в ту пору выделялись стабильно и в полном объеме. А сейчас — ни остаточного принципа, ни остатков. Проблемы, накапывавшиеся десятилетиями, наверняка обострились. В результате мы оказались на грани катастрофы.

В ходе недавней встречи с руководителями крупнейших музеев первый вице-премьер Виктор Илюшин обещал выплатить долги правительства. И мы замерли в напряженном ожидании.

— В каком состоянии материальная база вашего музея?

— Когда Иван Владимирович Цветаев его создал, в нем было девять тысяч экспонатов. Сейчас их 565 тысяч. Первоначально он был рассчитан на сто тысяч посетителей в год, а сейчас его посещают более миллиона.

Многие годы мы предпринимали отчаянные усилия, чтобы как-то расширить площадь. Кое-что

удалось. Восстановив переданные нам разрушенные здания, открыли Музей личных коллекций и так называемый Дом Верстовского, где хранится 350 тысяч листов графики. Городские власти отдали нам еще два соседних здания, где к 850-летию Москвы планировалось открыть детский центр и экспозицию коллекций XX века. Но ни рубля из утвержденного на строительство в этом году бюджета мы не получили.

В современном музее примерно половина площади отдается экспозиции, остальное — аудиториям, кинозалам, мастерским для работы с детьми и взрослыми, детским музеям. Мы, к сожалению, отвечать современным требованиям не можем из-за страшной тесноты. В наш музей приходит много детей. Но, стыдно сказать, принять их мы можем лишь в комнате площадью 28 квадратных метров, в которой каждый час сменяются кружки и студии. При музее есть замечательный детский театр. Но и он ютится в тесноте. Музей влечет людей всех возрастов. Необходимы вечерние классы, где они могут рисовать, лепить, работать на ганчрном круге. Ничего этого у нас нет!

Огромную часть наших коллекций мы вынуждены держать в запасниках, экономя каждый квадратный сантиметр. Запасник живописи надо немедленно ремонтировать, но куда переместить на это время его содержимое? В храме Святого Антония, на который предьявляется права Церковь, — 16 тысяч единиц хранения. Куда их девать после того, как нас выселят? В основное

здание? А оно и так взрывается от большого числа произведений искусства и колоссального потока публики. К тому же здание больно: проходящая под ним линия метро "растрясла" его, изничтожила фундамент. Под ним каверны, в полах трещины. Если в течение ближайших десяти лет не поставить его на капитальный ремонт, дело кончится плохо.

— Об этом вы, вероятно, и говорили на недавней встрече с первым вице-премьером Илюшиным?

— И об этом тоже. Но главным образом — о проблеме приоритетов. Когда денег на все нужды не хватает, приходится думать о том, что делать в первую очередь.

Недавно группу выпускников московской школы спросили, какие здания стоят на Красной площади. Они назвали Мавзолей, ГУМ, храм Василия Блаженного. И никто не вспомнил о закрытом Историческом музее. Потрясающие коллекции — костюмы, серебро, иконы, книги, рукописи — двенадцать лет скрыты от глаз, и все о них словно забыли...

Наверное, торговый Центр на Манежной площади — это очень интересно, современно и здорово. Но все-таки обсуждался ли вопрос, что должно открыться сначала — Исторический музей на Красной площади или торговый Центр на Манежной?

Иногда приходится слышать: сначала приведем в порядок экономику, а потом возьмемся за культуру. Я с этим категорически не согласна. Культурой надо заниматься всегда и в первую очередь. Но, коль мало средств, коль сделать все сразу нельзя, надо подумать о том, что делать сначала. А голоса общественности я не слышу. Ее до решения таких вопросов не допускают. Создается впечатление, что общественное мнение заменено мнением тех, кто заказывает музыку. И мы сейчас больше зависимы от них, нежели в былые времена от тех, кто запрещал играть Стравинского или показывать работы Тышлера. Но это — предельно отдельного серьезного разговора, который, надеюсь, на страницах "Культуры" еще состоится.

Беседу вел
Илья МЕДОВОЙ